

Рецензируемый сборник статей был выпущен по итогам прошедшей 4–6 июня 2009 г. Второй конференции по языковым контактам в период глобализации, организованной Гронингским университетом. Несмотря на название сборника, многие из опубликованных в нем статей затрагивают не только вопросы языковых контактов в современном мире, но и традиционную проблематику сравнительно-исторического языкознания.

Статья Р. Блокленда и М. Рисслера (Rogier Blokland and Michael Riebler «Komi-Saami-Russian contacts on the Kola Peninsula») посвящена языковым контактам между коми, саамскими и русским языками на Кольском полуострове. Саамские языки (кильдинский, колтта, бабинский и терский) – автохтонные языки Кольского полуострова. Носители ижемского диалекта коми мигрировали на Кольский полуостров в 1880-х гг.

Авторам не удалось обнаружить какого-либо влияния коми-ижемского на саамский (за исключением наблюдавшейся у двух носителей кильдинского саамского модели образования числительных второго десятка, вероятно, построенной по образцу коми). Не обнаруживается и саамского влияния на язык коми-ижмцев Кольского полуострова. Авторы объясняют это небольшой продолжительностью контактов (около 120 лет) и ролью русского как языка-посредника.

Слова, рассматриваемые в работах [Туркин 1994; Аникин 2000] как заимствования из ижемского диалекта коми в кильдинский саамский, как показывают авторы, на самом деле заимствованы из русского языка. Это же верно и для предложенных в [Туркин 1994] саамских заимствований в коми-ижемском: все они заимствованы из русского. Как указывают авторы статьи, многие из этих слов имеют отношение к оленеводству и в конечном счете восходят к ненецкому языку.

Авторы утверждают, что палатализация согласных в кильдинском саамском ограничена только последним согласным основы. В остальных позициях палатализованные согласные встречаются только в русских заимствованиях. Это неверно: ср., например, такие примеры, как *p'ällt* 'поляна' [Куруч 1985: 283] < прасаамск. **pēltō* [Lehtiranta 1989: 100–101] vs. *päll* 'мяч' [Куруч 1985: 246] < прасаамск. **pällō* [Lehtiranta 1989: 98–99].

С. Юнттила (Santeri Junttila «A collection of forgotten etymologies: revisiting the most improbable Baltic loanwords in Finnic») рассматривает предполагаемые балтизмы в прибалтийско-

финских языках, не вошедшие в список надежных заимствований из балтийского в работе С. Сухонена «Die baltischen Lehnwörter der finnisch-ugrischen Sprachen» [Suhonen 1988]. С. Юнттила составил список из 282 таких этимологий, предложенных в литературе до появления работы Сухонена, но никак у него не упомянутых. Как справедливо отмечает автор, в рамках небольшой статьи невозможно тщательно проанализировать несколько сот этимологий. Вместо этого автор ставит себе более скромную цель – исключить из этого списка заведомо ошибочные сопоставления и ранжировать оставшиеся этимологии по уровню их надежности. Для этого собранные этимологии оцениваются по следующим критериям:

1) Исключаются прибалтийско-финские слова, имеющие надежные угорские или самодийские параллели, а также слова, являющиеся заведомо поздними заимствованиями в балтийских языках. 2) Сравниваются реконструированные праприбалтийско-финские и прабалтийские формы и исключаются сопоставления, которые оказываются очевидно неверными на уровне реконструкций. 3) Исключаются сопоставления, неправдоподобные с семантической точки зрения. В результате из первоначального списка исключена 121 этимология. Исследование Юнттилы выгодно выделяется на фоне многих других работ по индоевропейским заимствованиям в прибалтийско-финском (см., например, обзор публикаций, посвященных германским заимствованиям, в [Хелимский 1995]) трезвым и взвешенным подходом, полнотой рассматриваемого материала и эксплицитной процедурой его оценки.

Ф. Мюллер и С. Шлоттхауэр (Folke Müller and Susan Schlotthauer «Estonian and German verb-particle combinations and argument restructuring») анализируют возможное влияние немецких приставочных глаголов на возникновение фразовых глаголов в эстонском (авторы и в том и в другом случае говорят о «verb-particle combinations»). Ряд немецких глаголов с приставками (*entgegen-/wider-, nach-, unter-, vor-*) управляют дативом. Соответствующие им по смыслу эстонские фразовые глаголы с частицами *vastu, järele, alla* и *ette* требуют аллатива – падежа, кодирующего те же семантические роли (реципиент и бенефактив), что и немецкий датив. Поскольку послелого, являющиеся диахроническими источниками упомянутых эстонских частиц, управляют не аллативом, а генитивом, естественно предположить, что мы имеем дело с влиянием немецкого языка. Исследовав употребление соответствующих

глаголов в эстонском языке с XVII по XX в., авторы приходят к неожиданному выводу: фразовые глаголы, в современном языке управляющие аллативом, в XVII–XVIII вв., т.е. в период сильного влияния немецкого языка на эстонский, еще представляли собой сочетание глагола с послелогом, требовавшим генитива. Дополнения в аллативе появляются только в XIX в., когда влияние немецкого языка уже пошло на убыль. Большинство же рассматриваемых глаголов стали управлять аллативом только в XX в. Исследование Мюллера и Шлоттхауэр наглядно показывает, что гипотезы о языковых контактах должны учитывать не только современное состояние рассматриваемых языков, но и их историю.

В работе известного типолога Дж. Николс (Johanna Nichols «Forerunners to globalization: the Eurasian steppe and its periphery») рассмотрены социолингвистические условия степного пояса Евразии, способствовавшие языковым контактам и распространению языков. Николс опирается на свои предыдущие работы (в частности [Nichols 1992]), в которых было сформулировано понятие «spread zone» – территории, где в силу экологических и экономических факторов периодически происходит экспансия какого-либо из языков, приводящая к вымиранию других языков или оттеснению их на периферию. Согласно концепции Николс, евразийский степной пояс является типичным примером «spread zone». Николс утверждает, что языки евразийского степного пояса являются менее сложными, чем языки в анклавах на периферии степи. Ценность наблюдений Николс несколько снижает то, что в работе [Nichols 2009], из которой взяты показатели сложности языков, во-первых, не приведены данные по конкретным языкам, на которых основаны эти показатели, и, во-вторых, ранжирование языков по сложности не представляется интуитивно очевидным. Так, например, ток-писин (показатель сложности 15,8) оказывается более сложным, чем тундровый ненецкий (14,9), самым простым языком в выборке из 68 языков оказывается баскский (13,0), а самым сложным (27,9), по странному совпадению, – ингушский, грамматику которого недавно написала Николс [Nichols 2011]. Все это заставляет задуматься о том, отражают ли выбранные Николс показатели то, что в обычном неформальном словоупотреблении принято понимать под «сложностью» языков.

Статья известного уралолиста и специалиста по саамским языкам П. Саммаллахти (Pekka Sammallahti «From Africa to the Arctic – expansions, bottlenecks and contacts in the linguistic prehistory of the Saami») посвящена языковым контактам саамской группы языков с глубокой

древности до нашего времени. Первая половина статьи, впрочем, больше напоминает раздел из популярного введения в языкознание: в ней рассматриваются проблемы сигнальных систем животных, возникновения человеческого языка и выхода Homo sapiens из Африки. Автор проводит не вполне понятную параллель между способностью ворон считать до шести и тем фактом, что в восточносаамских языках числительные от двух до шести управляют родительным падежом существительного, а числительные от семи и больше – партитивным падежом.

Автор отмечает, что лексика саамских языков содержит большое количество заимствований: кроме заимствований из финского, карельского, шведского, норвежского и русского языков, можно выделить праприбалтийско-финские, праскандинавские, германские, прагерманские, (пра)балтийские, праславянские, древние индоарийские («Old Indo-Aryan» – судя по приведенным примерам, имеются в виду не только индоарийские, но и иранские), индоиранские («Proto-Aryan») и праиндоевропейские заимствования. В статье приведены примеры заимствований, относящихся ко всем перечисленным группам. Автор не приводит предполагаемые источники заимствований, что затрудняет оценку приведенных этимологий (многие из них общеприняты, но некоторые предложены самим автором). Существенным недостатком является то, что в категорию «праиндоевропейских» заимствований зачислены как древнейшие индоевропейско-уральские параллели (одни исследователи рассматривают их как свидетельство индоевропейско-уральского родства, другие – как заимствования из праиндоевропейского в прауральский), так и общепризнанные заимствования из раннего праиндоиранского (до перехода праиндоевропейских *e, *o в праиндоиранское *a). К первой категории относятся такие слова, как *gálojeatni* ‘ятровь’ < прауральск. **käliw* (ср. праиндоевропейское **ǵʰl̥l̥ōu-s* ‘золовка’), *namma* ‘имя’ < прауральск. **nimi* (ср. праиндоевропейское **h₃nom-n* ‘имя’), ко второй, например, – *earti* ‘склон на дне реки’ < прафинно-пермск. **ertä* ‘сторона’ (заимствование из раннего праиндоиранского **erdʰo-* ‘часть, сторона, половина’), *reašmi* ‘веревка от невода’ < прафинно-волжск. **rešmā* ‘веревка’ (заимствование из раннего праиндоиранского **rećmi-* ‘веревка’).

Многие из упомянутых Саммаллахти этимологий не могут рассматриваться как надежные. В качестве примера можно привести северносаамское *gáma* ‘ботинок’, имеющее регулярные соответствия в мордовском, марийском и коми и восходящее к прафинно-пермск. **kāmā* ‘ботинок’ [Sammallahti 1988: 552]. Ученый

[Sammallahti 1998: 128, 243] предлагает возводить это слово к прагерманскому **ha(m)m(a)-* (точнее, **ha(m)mōn-*) 'бедро'. Эта этимология не объясняет ни вокализма финно-пермского слова, ни его семантики. Но страннее всего то, что Саммаллахти предлагает считать это слово постпрагерманским заимствованием [Sammallahti 1998: 128] – как тогда оно попало в пермские языки? К сожалению, приходится констатировать, что автор не распространяет на заимствования те строгие критерии, которые в его собственных работах (например [Sammallahti 1988]) применяются к этимологизации исконной лексики.

Статья голландского индоевропеиста **П. Схрейвера** (Peter Schrijver «The High German consonant shift and language contact»), безусловно, одна из самых интересных в рецензируемом сборнике. Схрейвер предлагает неожиданное и изящное решение проблемы объяснения причин второго (верхненемецкого) передвижения согласных. Как известно, позиции, в которых имело место второе передвижение согласных, различны в разных немецких диалектах. Наиболее сложной и асимметричной является система рипуарских диалектов, отличающаяся следующими особенностями: 1) **t > ts* во всех позициях (с дальнейшим переходом в *ss* после гласного), кроме конца слова; 2) **p > *pf > ff* только после гласного, но не на конце слова; 3) **k > *kx > xx* только после гласного, в том числе и на конце слова. Схрейвер обращает внимание на разительное сходство указанных выше позиционных условий с позициями, в которых в галлороманском в V–IX вв. н.э. встречались глухие аффрикаты. В начале слова из аффрикат имела только **tʃ* (< лат. *k* перед *e, i*). После гласных встречались **tʃ* (< лат. *-tj-*, в части случаев по неясной причине не подвергшегося озвончению), **kç* (< лат. *-kj-*), **pç* (< лат. *-kj-* в части диалектов), а также **k(t)ʃ* (< лат. *-ktj-*) и **p(t)ʃ* (< лат. *-ptj-*). После сонорных единственной допустимой аффрикатой была **tʃ* (< лат. *k* перед передними гласными, *kj* и *tj*). На конце слова единственной возможной аффрикатой была **kç* (< лат. интервокального *-kk-* в части диалектов). Автор отмечает, что изоглосса между французскими диалектами, сохраняющими конечный *-c /-k/*, и диалектами, где он переходит в *-tch /-tʃ/*, непосредственно продолжается на германоязычной территории изоглоссой *ik/ich*, разделяющей диалекты с сохранением конечного *-k* и диалекты с переходом конечного *-k* в *-ch /-x/*. Такое детальное совпадение едва ли может быть случайным. По мнению Схрейвера, носители галло-романского, переходившие на германский, заменяли германские глухие придыхательные смычные на глухие аффрикаты, но только в тех позици-

ях, в которых такие аффрикаты встречались в галлороманском. Предложенный сценарий также объясняет, почему германские интервокальные одиночные согласные */pʰ, tʰ, kʰ/* дали в результате передвижения геминаты */ff, ss, xx/*: галлороманские аффрикаты были долгими, так как они развились из сочетаний согласных. Аналогичное верхненемецкому передвижение согласных в лангобардском также объясняется Схрейвером как результат влияния романского субстрата. Очевидное возражение против гипотезы Схрейвера – фонетическое несходство романских аффрикат **kç, *pç* с германскими аффрикатами **kx* и **pf*. Автор отмечает, что **kç* и **pç* – всего лишь условное обозначение промежуточного этапа между латинскими */kj/, /pj/* и старофранцузскими */tʃ/* и */fʃ/*. Работа Схрейвера, несомненно, вызовет дискуссию среди германистов. Очевидно одно: отмеченное автором структурное сходство между условиями второго передвижения согласных и позиционными ограничениями на аффрикаты в галлороманском должно иметь какое-то объяснение.

Р. ван Паререн (Remco van Pareren «Areal features in the Volga-Kama region: on some non-lexical Turkic influences in Mordvin») рассматривает нелексическое влияние тюркских языков (татарского и чувашского) на мордовские. Автор приходит к выводу, что результатом такого влияния можно считать использование аблатива с послелогом 'до' и 'после', конструкции с глаголом 'приходить', обозначающие психические состояния ('мой гнев пришел' = 'я рассердился'), и выражение суперлатива с помощью компаративной конструкции: 'белес белого' = 'самый белый' (как в мордовских языках, так и в татарском суперлативное значение обычно выражается с помощью частицы 'самый'). Автор утверждает, что такой способ образования суперлатива встречается только в языках Волго-Камского региона. Это утверждение вызывает сомнение хотя бы потому, что подобная конструкция возможна и в русском языке.

В. Вермеер (Willem Vermeer «Retrieving diluted evidence for substratal effects: some examples») разбирает ряд случаев, в которых построение относительной хронологии фонетических изменений позволяет выявить неочевидные следы языковых контактов. Автор рассматривает три системы вокализма, сложившиеся на определенном этапе в южнославянских диалектах: 1) систему с дифтонгизацией праславянского **ě > ie* и параллельной дифтонгизацией **ō > io*, свойственную словенскому и кайкавским диалектам сербохорватского, 2) систему других сербохорватских диалектов, с дифтонгизацией **ě*, но без дифтонгизации **ō*, и 3) болгарскую и македонскую системы без ди-

фтонгизации **ě*. По мнению Вермеера, системы 1) и 2) отражают соответственно западно / центрально-романское и восточно-романское влияние (дифтонгизация латинского *ē* > *ie* имела место как в балкано-романских языках, так и в большинстве западно-романских, но дифтонгизации *ō* > *uo* в балкано-романском не было). Болгарский и македонский находились в сфере влияния греческого языка, что, по мысли автора, обусловило отсутствие дифтонгизации **ě*.

Другой рассмотренный в статье пример - отсутствие второй регрессивной палатализации в древненовгородском диалекте¹. Вермеер объясняет это отличие древненовгородского от остальных славянских диалектов влиянием прибалтийско-финского субстрата. По мысли автора, наличие дифтонга *ai* в прибалтийско-финском должно было замедлить монофтонгизацию праславянского **ai* > **ě*, являвшуюся необходимой предпосылкой второй регрессивной палатализации. В статье рассматривается также история албанского вокализма в свете языковых контактов.

В сборник также вошли статьи М. Брэйл (Martine Bruil «The emergence of future converbs in Imbabura Quichua: Pre-Hispanic language contact as a possible explanation»), Л.А. Куньон (Louise-Amélie Cougnon «Tu te prends pour the king of the world? Language contact in text messaging context»), А. Дауди (Anissa Daoudi «Globalisation, E-Arabic: The emergence of a new language at the literal and figurative levels») и Я. Калсбек (Janneke Kalsbeek «Contact-induced innovations in Istrian Čakavian dialects»).

В заключение отметим, что рецензируемый сборник адресован как социолингвистам, так и компаративистам. Особенный интерес книга должна представлять для уралистов, так как пять статей в ней посвящены финно-угорским языкам. К сожалению, качество редакторской работы оставляет желать лучшего с точки зрения как языка, так и вычитки текста. Например, резюме статьи Аниссы Дауди завершается так: «Results reveal that Arabic is changing as a result of globalisation and is happening at all levels both literally and figuratively. The latter is done without being noticed as much as the literal form of the language», а в издательском предисловии

¹ Автор предпочитает объединять вторую (регрессивную) и третью (прогрессивную) палатализации под названием второй.

можно прочесть следующее: «Cougnon also treats one language pair, English-French for the most part, but HE/SHE does have a look at other contact languages, too». Несмотря на подобные небрежности, в целом сборник оставляет благоприятное впечатление: большинство статей написано на высоком научном уровне, а некоторые, прежде всего работы С. Юнттилы и П. Схрейвера, могут считаться существенными достижениями в своих областях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин 2000 – А.Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Куруч 1985 – Р.Д. Куруч (ред.). Саамско-русский словарь. М., 1985.
- Туркин 1994 – А. Туркин. О взаимоотношениях коми и саамского языков // *Linguistica uralica*. 1994. XXX (1).
- Хелимский 1995 – Е.А. Хелимский. Сверхдревние германизмы в прибалтийско-финском и других финно-угорских языках: История проблемы в краткой аннотированной и комментированной библиографии // *Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы*. М., 1995.
- Lehtiranta 1989 – J. Lehtiranta. Yhteissaamelainen sanasto (MSFOu 200). Helsinki, 1989.
- Nichols 1992 – J. Nichols. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.
- Nichols 2009 – J. Nichols. Linguistic complexity: A comprehensive definition and survey // G. Sampson, D. Gil, P. Trudgill (eds.). *Language complexity as an evolving variable*. Oxford, 2009.
- Nichols 2011 – J. Nichols. Ingush grammar. Berkeley, 2011.
- Sammallahti 1988 – P. Sammallahiti. Historical phonology of the Uralic languages // D. Sinor (ed.). *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. Leiden, 1988.
- Sammallahti 1998 – P. Sammallahiti. *The Saami languages: An introduction*. Kárášjohka, 1998.
- Suhonen 1988 – S. Suhonen. Die baltischen Lehnwörter der finnisch-ugrischen Sprachen // D. Sinor (ed.). *The Uralic languages. Description, history and foreign influences*. Leiden, 1988.

М.А. Живлов

Сведения об авторе:

Михаил Александрович Живлов
Российский государственный гуманитарный университет
zhivlov@gmail.com